

человеческих ресурсов в борьбе за существования в разных условиях — темы максимального интереса посетителей музея.

Музей демонстрирует, а посетитель музея может участвовать в его демонстрации, подключив воображение. Музей заинтересован в работе воображения, но посетитель может оказать сопротивление этой нацеленности на его познавательную активность. Студент-культуролог не может ни демонстрировать себя, ни дистанцироваться от нажима музея — он добровольный пленник процесса обучения.

Музей в городском пространстве присутствует демонстративно — это то, что надо осматривать, что государство охраняет как национальное достояние. Его демонстративность в городе — символ ценного и вечного. Музей хранит транстемпоральность — то, что дольше жизни каждого человека.

Иная демонстративность МАЭ РАН для студентов — это профессионально закрепляемая память о простом, ежедневном, обыденном — о цикличности времени, о том, с чем экзистенциально легко смыкается любой человек. Обучение профессионалов ставит цель овладения ими языками декодировки сложного в простое, принципами объяснения непонятого через осязаемое и переживаемое в современности.

Обучение должно отвечать задачам скорее сущностного формирования студентов, чем формирования профессионального. При этом важно уловить запросы студентов к самой действительности (в формулировках, соответствующих их возрасту и стилю их воспитания), не поощряя инфантильных представлений о том, что, став профессионалами, они смогут укрыться в нише академической науки от социальных проблем.

Е.Н. Успенская

К ВОПРОСУ О «КОНСТРУИРОВАНИИ» ИНДИЙСКОЙ КАСТОВОЙ СИСТЕМЫ

В индологической науке положение о том, что сообщество индустов основано на касте, уже более ста лет считается непреложной истиной. Однако к 1970-х гг. и в самой Индии, и за рубежом накопилось заметное количество работ, в которых специалисты подвергали критике считавшиеся хрестоматийными теоретические заключения своих предшественников, обвиняя тех в массивном преувеличении значения касты. Некоторые зашли так далеко, что усомнились в самом существовании кастовой системы.

Основания для этого были вполне определенными: вдруг стало заметно, что факты из теорий о касте, как они прописаны в книгах, плохо коррелируют с тем, что наблюдается в реальной жизни. Вопрос о временном разрыве практически не стоял — Индия считается страной, существующей вне времени (на метаисторическом подходе стоит и самая яркая теория касты, появившаяся во второй половине XX в. — теория Луи Дюмона [Dumont 1988]). Однако со всей остротой встал вопрос, а не является ли само существование кастового общества изобретением колониальных администраторов и организаторов переписей населения, а также служивших у них помощниками индийских информантов-брахманов. Как говорит самая последовательная представительница лагеря критиков Сюзанна Бейли, «это предположение часто приводит в недоумение новичков. Но и вполне подготовленные в индологии специалисты иногда, удивляясь себе, задумываются о такой вероятности» [Bauly1999: 2].

Хорошо известно, что не только западные путешественники и ученые, но и сами индийские влиятельные и авторитетные люди, включая Махатму Ганди, других политиков и реформаторов прошлого и настоящего, считали и считают касту реальным фактором индийской жизни и, конечно, совсем не измышлениями ориенталистов. Известно также, что рост интереса к кастовому составу индийского общества, как и вообще к этнографии Индии, начался после Народного Восстания 1857 г. До Восстания Бенгальские полки армии Британской Индии набирались из брахманов и раджпутов. Дальнейшее известно. После событий 1857–1858 гг. произошли значительные изменения в политике управления страной. Англичане в прямом смысле начали «разделять и властвовать», причем по специально для этой цели созданной этнографической науке, которая активно развивалась вплоть до тридцатых годов XX в. В русле этой науки специально для Индии была разработана сложносоставная и многомерная теория касты, в которой самыми заметными стали исследования Г. Рисли, У. Крука, Д. Иббетсона, Э. Бланта, Дж. Хаттона и примыкающего к ним Г.С. Гурье.

С. Бейли, слова которой я привела выше, и еще некоторые исследователи в своих работах призывают нас обратить внимание на тот факт, что связанные с колониальным управлением административные решения, управленческие методы, научные исследования, статистические обзоры, проведение всевозможных сборов данных, издание справочников и руководств и др. практические мероприятия британской колониальной администрации повлияли на самосознание индийского общества радикальным образом. И, более того, внесли свой вклад в формирование касты как «системы».

Или, другими словами, каста сегодня выглядит так, как она выглядит, потому, что люди строят свою жизнь в соответствии с навязанными им предательствами о касте, почерпнутыми из научных исследований и предназначенных для иностранцев брахманских толкований. А брахманы разъясняли касту иностранцам сознательно искаженно, идеалистически, имея в виду лишь собственные интересы и цели — желая возвыситься в глазах английских правителей. И параллельно с этим планом коварные брахманы заставляли всех индийцев «построиться» по их идеалистическим схемам. Нельзя не заметить и идеологической подоплеку критики «колониальной науки»: «Индия стала выглядеть как традиционное кастовое общество потому, что англичане видели ее такой и в итоге сделали ее такой. Вся Индия приняла как единственную — идеологию иерархических кастовых ценностей. Англичанам это было удобно: сначала для установления и упрочения своей власти через индийские элиты, а потом — чтобы ее поддерживать» [Там же: 101]. Добавим, что «идеалистическая теория брахманов» — это брахманическая концепция *чатурварнашрама*. А вся работа брахманов «по искажению состояния дел в обществе» имеет и другое название — *санскритизация*. И то, и другое являются истинными достижениями индийского гения.

Тем не менее, как во всякой теории, и в теории «конструирования касты» есть здоровое зерно. И даже не одно. Нельзя отрицать, что определенное влияние внешней критики со стороны европейцев на внутреннюю ситуацию в кастовом обществе имело место. Опять же в истории не раз бывало, что брахманы действовали подобным образом в случае появления завоевателей, с которыми нельзя было справиться военной силой: их побеждали идеологическими инструментами, и разрешали им занять место кшатриев — об этом, кстати, новые критики брахманической идеологии почему-то не говорят.

Но, похоже, что ситуация здесь еще сложнее. Мы, может быть, все еще идем по ложной дороге с указателем «каста», а надо исследовать свойства основанной на родстве социальной категории «джати», которая на всем протяжении развития индийского общества была и остается реальной и в высшей степени функциональной. Неиндийские наблюдатели воспринимают как касту (во всяком случае, все описания касты именно таковы) способ взаимодействия между разными джати. Джати и каста не синонимы, говорят в своих работах еще с тридцатых годов XXв. индийские специалисты, к квалифицированному мнению которых долго почти никто не прислушивался [Karve 1947, 1961, 1965 и др.].

Не прислушивались долго даже и в самой Индии. Ориенталистский взгляд на Индию стал частью самооценки в самой Индии.

Это характерно, например, в отношении к проблеме неприкасаемости в науке и политике. На деле категории, в которых сегодня говорят о неприкасаемых в самой Индии, являются продуктом колониального дискурса. Слово «неприкасаемые» — это изобретение англичан, которое не соотносится ни с каким термином на индийских языках. Оно впервые появилось в напечатанном виде в 1909 г. и уже потом было многократно переведено на разные индийские языки. М. Ганди изобрел эвфемизм «хариджан», «люди бога», в стремлении предложить позитивную характеристику этому многочисленному слою внекастовых представителей мира индуистов. Это было в 1920-х гг., когда англичане старались увести неприкасаемых от участия в национально-освободительной борьбе, предлагая им специальные административные уступки и политические привилегии.

«Так вполне случайным образом эта политика оказалась исторической, дав рождение современной политике основанных на касте квот для неприкасаемых» [Randeria 1990–1991: 294–312]. А ведь эта политика вызывает жаркие споры и активное неприятие в среде представителей других общин. Нельзя забывать и того факта, что как апофеоз управленческой роли кастовой системы появился Закон о преступных племенах и кастах (1871–1911 гг.).

Каста как идеологема, широко шагнувшая в жизнь, пережила процесс конструирования по крайней мере дважды. И оба раза это было конструирование общественной системы из тех традиционных модулей структуры, которые с легкой руки иноземных наблюдателей называются «каста». В первый раз это происходило естественным способом в течение долгих веков — многообразие составных элементов индийского кастового общества формировалось в процессе расширения влияния индуизма и санскритизации внекастовой периферии, которая практически вся оказалась в составе варны шудра. Второй раз многочисленные касты выстроились уже в общеиндийскую систему в связи с переписями населения.

При подготовке первой переписи населения Британской Индии в 187–1872 гг. администраторы много спорили о том, что такое каста. Решали, нужно ли включать в списки касту численностью менее ста тыс. чел., как организовать сам список, который к 1891 г. уже превышал 2 300 000 названий [Dirks 2004: 29]. Это случилось именно потому, что люди называли свои джати. Ученые-администраторы стали называть эти джати «подкастами», чем действительно осложнили себе жизнь. А к 1931 г. самые продвинутые касты и особенно наиболее влиятельные персоны в разных общинах стали уже активно разъяснять в своей социальной среде, как именно следует отвечать на вопросы о своей кастовой и

религиозной принадлежности, а также о расе (один из главных на то время вопросов), языке и кастовом статусе.

Женщины до 1872 г. вообще не включались ни в какие списки каст, потому что не учитывались в статистике. Так и получилось, что вопрос о касте женщины не решен в науке до сих пор — и даже ясно не сформулирован! Администраторы колониальной эпохи не сделали этого, и исследования по касте этим не занимаются даже сегодня. Индийцам все ясно — женщина рождается в джати отца, во время обряда бракосочетания переходит в джати мужа, где и выполняет все ритуалы. Даже если женщина вступила в гипергамный брак, никаких особых сложностей в этом индийцы не видят. Статистика теряется перед таким «неравенством» совершенно, и предпочитает вообще ничего не учитывать.

После 1931 г. вопросы о касте больше уже не ставятся в переписях населения Индии — информация о них вышла из-под контроля и не помогала в практической деятельности. Но в науке все эти данные остались, причем с комментариями ученых-администраторов (в одном лице), выдержанными в духе популярных тогда теорий. Британские власти произвели на свет феноменальную по объему учетную информацию, основанную на признании касты как основной характеристики жителя Индии. И хотя в разных типах документов одни и те же группы именуется по-разному: каста, племя, раса, секта, религиозная община, профессиональная группа — это не меняет дела: имеются в виду разные типы «касты».

Работа по газеттирам началась в 1869 г., статистические справочники по провинциям публиковались с 1875–1877 гг., энциклопедические словари каст и племен, утопая в информации, состояли из по крайней мере 4–6 томов каждый и издавались начиная с 1891 г. для каждого региона. В этот период имели место сложные процессы реформирования самого индуизма, основанные на идеях возрождения и возврата к истокам, и влияние внешнего внимания к состоянию дел в общине невозможно переоценить.

Сам процесс реформации индуизма очень интересен. Достаточно сказать, что первыми заботами тех европейских ученых-администраторов, кто искренне увлекся достижениями индийской культуры, стали изучение языков и публикация оригинальных текстов. Имелось в виду, что теперь эти тексты смогут читать даже и не-брахманы. Однако оставалось много скрытых от глаз исследователей деталей религиозного быта, проникнуть в которые глубже других смогли миссионеры. Источниковая база материалов переписей, справочников-газеттиров, отчетов о рекрутских наборах, документов налоговых ведомств и др. сохраняет и даже упреждает свое значение.

Столь сложным способом полученная иерархическая система во всей ее полноте понятна лишь читателям научной литературы и еще заинтересованным представителям элиты, членом влиятельных каст, которые озабочены сохранением и улучшением своего места в системе доступа к власти и привилегиям. Этот механизм доступа к власти и влиянию теперь уже не традиционный, не освященный веками теории и практики брахманического знания. Теперь это механизм, сконструированный совместными усилиями английской колониальной администрации и теми представителями индийской интеллектуальной и политической элиты, кто стоял близко к колониальной администрации в конце XIX — начале XX в., и он создан для решения совсем иных задач. Сейчас очень высок интерес в самой Индии к доколониальной истории, в которой интеллектуалы и политики (в том числе и живущие на Западе) стараются найти утраченные ответы на вечные вопросы и восстановить забытые достижения. В связи с этими тенденциями укоры в адрес колониального ориентализма и его доминирование в современной западной науке звучат очень явственно.

Кастовая система, как она предстает в статистических документах, даже в самых современных материалах исследований Антропологической службы Индии [Singh 1995–1996], не решает проблемы воспроизводства индийского традиционного общества в генетическом и экономическом аспектах. Этими сущностными задачами занимается системная организация джати, и занимается тихо, незаметно для государства — на уровне частной жизни и особенно религиозности индийских индивидуумов. И это обстоятельство «времени и места» непременно нужно учитывать при изучении современного индийского кастового общества.

Bayly S. Caste, Society and Politics in India from the Eighteenth Century to Modern Age // *The New Cambridge History of India*. IV. 3. Cambridge, 1999.

Dirks N.B. *Castes of Mind. Colonialism and the Making of Modern India*. Princeton, 2004.

Dumont L. *Homo Hierarchicus. The Caste System and its Implications*. Delhi, 1988.

Kapadia K.M. *Hindu Kinship*. Bombay, 1947.

Karve I. *Hindu Society — an Interpretation*. Poona, 1961.

Karve I. *Kinship Organisation in India*. Bombay, 1965.

Randeria Sh. *Brahmans, Kings, Pariahs: Castes, Exchange and Untouchability in Western India Today* // *Wissenschaftskolleg — Institute for Advanced Study — ZU Berlin. Jahrbuch 1990–1991*. P. 294–312.

Singh K.S. *People of India. National Series. Vol. I–XI. State Series. Vol. XII–XLIII. Anthropological Survey of India*. New Delhi, 1995–1996.